

Окружающие лишились дара речи — крыть слова Хань Дуя было попросту нечем. Сам же виновник этого молчания, выдав тираду, гордо удалился. Время не ждало, нужно было заниматься делом, а не тратить драгоценные минуты на пустую болтовню с бездельниками. Семь новоприбывших чжицинов всё ещё дожидались на своём пункте размещения, и Хань Дуй поспешил им навстречу.

Ли Сяоцзян по-прежнему ждал его у ворот производственной артели. Объединившись, они зашагали к барaku чжицинов. По дороге Сяоцзян уныло вздохнул:

— Сяо Жуй, ну вот скажи мне: мой старший дядя даже родителей не спросил, взял да и распределил этого жильца прямо к нам. У нас дома и так повернуться негде, теснота жуткая.

Хань Дуй похлопал друга по плечу, подбадривая:

— Не вешай нос. Вэй Шаньфэн — парень открытый, стоворчивый, с ним легко. Ещё и поучиться у него кое-чему сможешь. Потерпите немного, поживите в тесноте, пока наша артель новые дома не построит. Как только сдадим жильё, они сразу съедут.

Ли Сяоцзян в обещания о новом строительстве не верил ни на грош. Хотели бы построить — давно бы построили, чего до сегодняшнего дня ждали?

Но Хань Дуй так и лучился уверенностью:

— Вот увидишь, главное — захотеть, а выход всегда найдётся.

За разговорами они незаметно добрались до барака чжицинов, где сейчас царило небывалое оживление. Как только старожилы прознали, что семерым новичкам не придётся теснить их в и без того переполненных комнатах, потенциальный конфликт интересов испарился сам собой. Отношение к прибывшим мгновенно потеплело, лица озарились дружелюбными улыбками. Одни наперебой делились житейскими хитростями и местными правилами выживания, другие щедро вытаскивали припрятанные лакомства, третьи просвещали новосёлов насчёт деревенских интриг и раскладов, чтобы те ненароком не наступили на грабли. Новоприбывшие — все, кроме нелюдимого Чжоу Ю, — тоже проявили сообразительность и кинулись раздавать привезённые из дома конфеты и сладости.

К моменту прихода Хань Дуя и Ли Сяоцзяна здесь уже крутились Ли Сяофа с Ли Сяобо, да и Чжан Сюсю прибежала — все они тоже пришли забирать закреплённых за ними жильцов. И хотя Ли Маньфу с бухгалтером Чжаном ещё не успели вернуться с собрания, сарафанное радио в деревне сработало безупречно: новость разнеслась быстрее ветра. В деревне всегда так — соседи узнают о твоих домашних делах раньше, чем ты сам переступишь порог.

Ли Сяоцзян первым делом кивнул Ли Сяофе, но стоило ему открыть рот, как тот с самым серьёзным и торжественным видом его перебил:

— Сяоцзян, Хань Дуй, зарубите себе на носу! Отныне меня зовут Ли Цяньцзинь. Звучно, солидно и вполне в духе революции!

Хань Дуй промолчал.

«И стоило так долго мучиться, чтобы родить "Цяньцзиня" — "Вперёд к прогрессу"?»

Ли Сяоцзян же поспешил исправиться:

— Брат Цяньцзинь, отличное имя, честное слово, звучит гордо.

Ли Сяобо тоже не упустил случая вставить свои пять копеек:

— Сяоцзян, я тоже переименовался! Теперь зови меня Ли Боланом — бушующей волной революции!

Хань Дуй не выдержал и прыснул. Остальные тоже покатались со смеху, и атмосфера в бараке мгновенно разрядилась, наполнившись искренним весельем. Ли Сяофа и Ли Сяобо — вернее, теперь уже Ли Цяньцзинь и Ли Болан — уловив всеобщее зубоскальство, заметно насупились.

Ли Цяньцзинь смерил Хань Дуя и Ли Сяоцзяна сердитым взглядом и недовольно буркнул:

— Сяоцзян, Хань Дуй, ваши-то имена тоже, прямо скажем, так себе. Мой вам совет — берите с нас пример и меняйте их к чертям.

Ли Сяоцзян замахал руками:

— Не-не, я пас. Мне моё нравится.

Носить одно имя столько лет — привычка великое дело. Назовись он сейчас иначе, сам же путаться начнёт.

Хань Дуй ухмыльнулся:

— И мне без надобности. Для человека моей величины имя — всего лишь условный знак. Назови меня хоть Хань Гоушэном — Собачьим Обьедком, — я всё равно останусь самым блистательным Обьедком во всей округе.

Все присутствующие дружно лишились дара речи.

Только что подошедшие Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй тоже замерли с открытыми ртами, не зная, смеяться им или плакать от такой скромности.

Заметив парней, Хань Дуй решил свернуть прения. Обернувшись к новоиспечённым братьям Ли, он с самым серьёзным видом резюмировал:

— Что ж, поздравляю вас с перерождением. Начинаете новую жизнь с чистого листа, так сказать.

И Цяньцзиню, и Болану показалось, что прозвучало это как-то двусмысленно, но придаться было не к чему.

Хань Дуй с улыбкой повернулся к новоприбывшим:

— Юнцзинь, Юньфэй! Вас определили ко мне. Мой старший брат уже освободил комнату, так что собирайте вещички и пойдём обживаться.

Парни ещё до прихода Хань Дуя успели разузнать подробности у местных. Такой расклад их более чем устраивал, и они были искренне признательны Хань Дую за участие.

Чжао Юнцзинь дружески хлопнул Хань Дуя по плечу:

— Ну, дружище, век не забудем твою доброту! С этого дня мы на твоём попечении.

Цзян Юньфэй, помедлив, спросил с некоторой неловкостью:

— Сяо Хань, а мы вас точно не стесним? Вашей семье самим места хватает?

— Всё в порядке, комар носа не подточит, — отмахнулся Хань Дуй.

Остальные чжицины тоже проявили живой интерес к бытовым условиям в доме Ханей. Хотя они и были здесь чужаками, но за время пребывания в деревне успели разузнать обо всех местных жителях. Кто-то из толпы любопытствовал:

— Слушай, Хань Дуй, а вы точно поместитесь? Насколько я помню, у вас в семье пятеро детей, считая тебя?

— Места хватит, — заверил Хань Дуй. — Мой старший брат без лишних слов уступил свою комнату.

Собеседники так и округлили глаза от удивления:

— Да ладно? Неужто у твоего старшего брата сознательность настолько выросла?

Хань Ган в округе слыл личностью приметной. Все прекрасно знали, что парень бредит женитьбой и готов пойти на всё, лишь бы найти суженую. Как же он умудрился добровольно отдать свою законную комнату? Неужели не побоялся, что это поставит крест на его сватовстве?

Хань Дуй снисходительно хмыкнул:

— Раньше его идейность хромала, но под моим чутким руководством он заметно подтянулся.

Кое-кто из старожилов, припоминая специфический нрав Хань Гана, порывался было шепнуть Чжао Юнцзиню и Цзян Юньфэю, чтобы те держали ухо востро. Но, поразмыслив секунду, они мысленно махнули рукой. Будь на их месте девушки — тогда другое дело, стоило бы поостеречься. А тут два здоровых парня, чего им бояться? Хань Ган, конечно, отчаянно ищет невесту, но не до такой же степени, чтобы переключиться на мужчин! Так что предупреждение сочли излишним.

Обменявшись ещё парой дежурных фраз, Хань Дуй подхватил вещи гостей. Когда они втроём уже направились к выходу, из тени в углу внезапно поднялась высокая фигура — оказывается, товарищ Цинь всё это время тихо стоял там и не думал уходить.

Подойдя к Чжао Юнцзиню, он негромко спросил:

— Ты действительно решил поселиться у него?

Чжао Юнцзинь беззаботно кивнул:

— Ну конечно. Мы с Сяо Жуем отлично ладим, да и его семья принимает нас с распростёртыми объятиями. Чего ещё желать?

Товарищ Цинь на мгновение задумался, а затем обронил:

—... Что ж, ваше дело. Только будьте начеку.

Хань Дуй мысленно скривился.

«Мало того что вечно спорит, так ещё и ядовитый, как кобра».

Нацепив самую дружелюбную маску, Хань Дуй сладко пропел:

— Знаете, товарищ Цинь, положи руку на сердце, я ведь тоже не ко всем со всей душой навязываюсь. Просто эти ребята мне действительно симпатичны, вот я и позвал их к себе. Рядом с ними и на душе теплее, и поучиться у них есть чему. А вот окажись на их месте кто-то другой — я бы ещё сто раз подумал.

С этими словами он красноречиво смерил товарища Циня взглядом, который буквально кричал: «Напрашивайся ты ко мне хоть до посинения, порог моего дома ты не переступишь!»

Чжао Юнцзинь от этих слов растрогался ещё сильнее.

Цзян Юньфэй, уловив скрытый подтекст в словах товарища Циня, удивлённо спросил:

— Товарищ Цинь, а почему вы советуете нам быть начеку? Что-то не так?

Хань Дуй вперил в товарища Циня пронзительный взгляд. Тот едва заметно усмехнулся одними уголками губ и мгновенно переиграл ситуацию:

— Я имел в виду лишь то, что товарищ Хань парень весьма сметливый и хваткий. Вам стоит многому у него поучиться, иначе глазом моргнуть не успеете, как останетесь далеко позади.

Чжао Юнцзинь весело расхохотался:

— О, за это не переживай! Будем учиться прилежно, расти над собой день ото дня!

Цзян Юньфэй лишь сдержанно улыбнулся, оставив свои мысли при себе.

Хань Дуй пошагал вперёд, таща увесистые узлы. Товарищ Цинь размашистым шагом нагнал его, молча перехватил часть багажа и пристроился рядом.

— Товарищ Цинь, — с намёком поинтересовался Хань Дуй, — на дворе уже сумерки сгущаются, а в деревнях фонарей нет. Вам разве не пора возвращаться в уездный город?

— Сперва посмотрю, где ты живёшь, а уж потом поеду, — невозмутимо отрезал тот.

Хань Дуй решил не тратить на него патроны и переключился на будущих постояльцев, вкратце описывая расстановку сил в своей семье:

— Семья у нас большая. У меня двое старших братьев. Самый старший хозяйничает дома, а второй устроился временным рабочим в уезде и наезжает только изредка. Ещё есть две старшие сестры. Комнату вам уступил именно наш первенец, так что ждёт он вас с распростёртыми объятиями. Но должен сразу предупредить: он у нас первый блин, который, как известно, частенько выходит комом. В деревне поговаривают, что первый ребёнок — это всегда экспериментальный образец, поэтому и «характеристики» у него слегка хромают, да и котелок варит со скрипом. В общем, не судите строго, если что.

— Не беспокойся, я парень уживчивый, со всеми общий язык найду, — поспешил успокоить его Чжао Юнцзинь.

И тут товарищ Цинь снова вставил свои пять копеек:

— Товарищ Хань, неужели первенцы — это действительно всегда лишь «экспериментальный образец»?

— Ну, за всех ручаться не стану, — пожал плечами Хань Дуй. — Я говорю исключительно о нашем конкретном случае.

Чжао Юнцзинь вдруг шлёпнул себя по лбу:

— Ой, мамочки, если первенец — это черновик, то мне крышка! Я ведь единственный ребёнок в семье!

Хань Дуй рассмеялся:

— С единственным ребёнком всё иначе. Тут родители сразу вложили все свои лучшие гены, без остатка. Получился чистейший концентрат родительской мудрости.

На лицо Чжао Юнцзиня тут же вернулась широкая улыбка:

— А ведь верно подмечено! Твоя правда.

Но товарищ Цинь не унимался, вновь занудно цепляясь к словам:

— Товарищ Хань, у тебя на любой вопрос готов удобный ответ. Ты на ходу выворачиваешь аргументы наизнанку, противореча собственным же утверждениям.

Спорить с этим душnilой Хань Дую было лень, поэтому он лениво отозвался:

— Видите ли, товарищ Цинь, даже научные истины относительно, что уж говорить о простых житейских наблюдениях деревенских старожил. Я ведь сразу подчеркнул — это применимо только к нашему дому. В других семьях всё может быть с точностью до наоборот. Бывает ведь как: старшего ребёнка родители пестуют, холят и лелеют, вкладывая всю душу, а к рождению младшего запал иссякает, и его воспитывают спустя рукава. В итоге младшенький вырастает смазливый с виду, а внутри — сплошной брак, детальки не стыкуются, да и нервы набекрень.

Чжао Юнцзинь смутно почувствовал, что в словах Хань Дуй скрывается какая-то шпилька, но развивать мысль не стал — в конце концов, с товарищем Цинем они не были так уж близки. Попытавшись сгладить острые углы, он встрял:

— Э-э... Третий дядя, ты только не принимай близко к сердцу. Товарищ Хань наверняка не тебя имел в виду. Ты у нас тоже парень хоть куда.

Цзян Юньфэй мысленно прикрыл лицо ладонью.

«Уж лучше бы ты помалкивал, миротворец хренов».

Услышав, как Чжао Юнцзинь величает сурового товарища Циня «Третьим дядей», Хань Дуй от удивления чуть не споткнулся и бросил на друга вопросительный взгляд.

Чжао Юнцзинь неловко почесал затылок:

— Да мы не то чтобы родня... Просто по семейной линии он мне дядей приходится. Но разница в возрасте у нас смехотворная, поэтому я терпеть не могу его так звать.

Хань Дуй понимающе закивал. Быстрая цепочка логических умозаключений привела его к очевидному выводу: у товарища Циня наверняка есть старший брат, превосходящий его по всем статьям. Именно поэтому теория про «первый экспериментальный блин» так сильно задела его за живое.

Осознав это, Хань Дуй одарил товарища Циня полным искреннего сочувствия взглядом и мягко

произнёс:

— Товарищ Цинь, можете ничего не объяснять. Я всё понимаю. Разумеется, к вашей уважаемой семье моя скромная теория неприменима. Вы только что блестяще, с фактами в руках, доказали её несостоятельность на вашем личном примере. Я смиренно признаю свою неправоту.

Товарищ Цинь лишился дара речи.

Разговор завял сам собой, над дорогой повисла тяжёлая, звенящая тишина.

Чжао Юнцзинь лихорадочно соображал, какую бы тему поднять, чтобы разрядить обстановку, но ничего путного на ум не приходило, и он тоже уныло притих. И в этот самый момент тишину сумерек разорвал зычный, восторженный голос Хань Гана:

— Сяо Жуй! Сяо Жуй! Пришли уже наши дорогие товарищ Чжао и товарищ Цзян?

Хань Дуй поднял глаза. Навстречу им во весь опор летел его старший брат. На Хань Гане красовался новенький, отглаженный костюм, а волосы были уложены волосок к волоску и блестели от бриолина так, словно их облизала корова.

«Эх, ну вот и настал момент истины. Сейчас всё вскрыется...»

Хань Ган в несколько прыжков преодолел разделяющее их расстояние. Но стоило ему хорошенько разглядеть Чжао Юнцзиня, Цзян Юньфэя и товарища Циня, как его лицо стремительно сменило гамму эмоций: от глубочайшего шока и недоумения до глухого бешенства.

— Сяо Жуй! — взревел он, уперев руки в бока. — Ты же обещал привести двух девушек-чжицинок! Какого чёрта передо мной три мужика? Где товарищ Чжао и товарищ Цзян?!

Хань Дуй невозмутимо ткнул пальцем сначала в одного спутника, потом в другого:

— Спокойно, брат. Вот тебе товарищ Чжао — Чжао Юнцзинь. А вот товарищ Цзян — Цзян Юньфэй.

Хань Ган остолбенел, переводя ошалелый взгляд с одного красавца на другого.

Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй переглянулись в полном недоумении:

— Мы чего-то не знаем? Что вообще происходит?

Хань Дуй поспешно бросил поклажу на землю, мёртвой хваткой вцепился в локоть старшего брата и оттащил его на приличное расстояние для конфиденциального разговора. Хань Гана наконец-то осенило — его жестоко, бессовестно надули. Ярость заклокотала в его груди.

Хань Дуй, сохраняя полнейшее олимпийское спокойствие, принялся вкрадчиво вразумлять

бушующего Гана:

— Ган-гэ, погоди взрываться, выслушай сначала. Я действительно изо всех сил пытался затащить к нам девчат. Но сам рассуди: руководство артели постановило, что девушек можно селить только в самые благонадёжные семьи с безупречной репутацией. В итоге их обеих определили к бухгалтеру Чжану. Кстати, старик Ли Инъань тоже на них зубы точил, хотел к себе пристроить, но я его вовремя осадил.

Но Хань Ган не поддавался на дешёвые манипуляции и упрямо гнул своё:

— Ты мне зубы не заговаривай! Сам же пел, что эти Чжао и Цзян — писанные красавицы и твои близкие подружки! Только ради этого я свою комнату и уступил!

— Братец, помилуй, — Хань Дуй невинно захлопал ресницами. — Я действительно говорил, что они чертовски привлекательны. Но разве я хоть раз обмолвился, что они женского пола?

Хань Ган вытаращился на него:

— Точно не говорил?

— Вспомни хорошенько каждое моё слово, — с видом святого мученика предложил Хань Дуй.

Брат насупился, напрягая извилины, и спустя минуту выдавил чуть ли не со слезами на глазах:

— Но ты же сказал, что они глаз не оторвать!

— А что, мужчины не могут быть красивыми? — парировал Хань Дуй. — Посмотри на них сам — девки в уезде от зависти лопнут, до чего парни видные!

Хань Гану крыть было нечем. Внутри у него всё так и кипело от бессильной злости и обиды, но формально придаться к хитроумному братцу не получалось.

Хань Дуй ковал железо, пока горячо:

— И вообще, посмотри на ситуацию шире. Да, девчат мы не получили. Зато наша семья проявила невероятную сознательность! Сам заместитель бригадира Хуа перед всей артелью нас хвалил, назвал образцом высокой революционной ответственности! А ещё шепну тебе по секрету: меня скоро официально возьмут в аппарат производственной артели. Понимаешь, что это значит? Вода поднимается — и лодка идёт вверх. Моё влияние вырастет, а значит, и твой статус в деревне взлетит! И потом, ну поселили бы мы этих городских штучек к нам, и что дальше? Они же изнеженные интеллигентки, книжек начитались. Думаешь, они бы на простого деревенского парня посмотрели? Да они даже меня в упор не видят! Я сегодня пытался с ними заговорить — так они со мной сквозь зубы цедили, холодом обдали, аж сердце сжалось. Я, между прочим, тоже парень видный, школу окончил, а меня вот так приложили. Моя самооценка теперь ниже плинтуса.

Метод жалости сработал безотказно. Стоило Хань Дую запеть скорбную песнь о своей

уязвлённой гордости, как на душе у Хань Гана потеплело. Надо же, оказывается, даже таких лощёных умников, как его младший брат, девчонки могут отшить!

Обида почти улетучилась, и Ган даже великодушно похлопал Хань Дуя по спине:

— Да ладно тебе, не убивайся ты так. Раз не посмотрели на тебя — значит, дуры слепые. Тебе-то чего переживать, ты ещё молодой, вся жизнь впереди. Будут новые наборы чжицинов, вот и крутись среди них. Рано или поздно какая-нибудь да клюнет.

Хань Дуй мгновенно «приободрился»:

— Ган-гэ, золотые слова! Буду забрасывать сети пошире, авось крупная рыба и попадётся. В этих делах мне до твоего опыта ещё расти и расти, я ведь совсем зелёный. Буду действовать строго по твоей инструкции!

Хань Ган, польщённый тем, что его авторитетное мнение приняли к сведению, окончательно растаял. Правда, стоило ему обернуться и вновь наткнуться взглядом на троицу у дороги, как его энтузиазм угас.

Он недовольно свёл лохматые брови к переносице и уныло пробурчал:

— Всё равно тоска... Мало того что барышень не дождался, так ещё и этих троих подселили. Они же смазливые до безобразия, теперь деревенские девки на меня вообще смотреть перестанут.

Хань Дуй тут же применил тяжёлую артиллерию бытовой философии:

— Брат, ты неправильно на вещи смотришь. Вспомни ярмарку в уезде. Куда торговцы свои прилавки ставят? Правильно, туда, где народу побольше да зазывалы погромче. Если у соседа торговля так и кипит, то и тебе часть покупателей перепадёт, верно? Вот и здесь так же. Эти двое своей внешностью привлекут в наш двор всех девчонок в округе. Но они-то всего лишь люди, им на двоих только две невесты положены! А остальные девчата куда денутся? Начнут по сторонам оглядываться — тут-то ты перед ними во всей красе и предстанешь!

Хань Ган почесал затылок. Звучало это на удивление логично.

— Вот именно, — закрепил успех Хань Дуй. — К тому же репутация передовой семьи дорогого стоит, нельзя лицом в грязь ударить. Так что давай, бери себя в руки, делай приветливое лицо и марш знакомиться. Не хватало ещё, чтобы гости с порога почуяли неладное и затаили обиду. Парни они милейшие, весёлые, щедрые — едва познакомились, как сразу потащили меня в ресторан, накормили и напоили от души.

Хань Ган поворчал ещё немного для приличия, но деваться было некуда. Понимая, что брату нужно время окончательно переварить разочарование, Хань Дуй мягко подтолкнул его:

— Ладно, ступай домой, подготовь всё к приёму.

Ган потоптался на месте, вздохнул и поплёлся обратно к усадьбе.

Хань Дуй вернулся к терпеливо ждущей троице и обезоруживающе улыбнулся:

— Ну вот и ладно. Возникло небольшое недоразумение, но я всё уладил. Наш дом совсем рядом, пойдёмте.

Чжао Юнцзинь, будучи парнем прямолинейным и нетерпеливым, всё же не сдержался:

— Сяо Жуй, а чего твой старший брат на нас так вытаращился? Вид у него был такой, словно мы у него корову увели.

Хань Дуй решил, что шила в мешке не утаишь, и со смехом выложил всё как есть:

— Да комедия чистой воды. Я когда домой прибежал, с порога заявил, что договорился подселить к нам двух своих новых друзей. Брат, естественно, засыпал меня вопросами, ну я и брякнул мимоходом, мол, ребята компанейские, щедрые, да и внешностью бог не обидел. Больше ничего сказать не успел, а его буйная фантазия тут же нарисовала двух прекрасных девиц. Сами понимаете, каково ему было сейчас увидеть вас, богатырей.

Чжао Юнцзинь так и покатился со смеху, хлопая себя по бёдрам, да и обычно сдержанный Цзян Юньфэй не удержался от широкой улыбки.

Хань Дуй смущённо развёл руками:

— Вы уж простите его. Брату уже за двадцать, а невесты всё нет. Он на этой теме слегка помешался, у нас таких называют «свадебными маньяками».

Парни расхохотались с новой силой.

Разумеется, товарищ Цинь и тут умудрился выделиться оригинальностью мышления. Нахмутив лоб, он озадаченно спросил:

— Товарищ Хань, моему старшему брату примерно столько же лет, сколько твоему. Но он почему-то совершенно не горит желанием обзавестись семьёй. Отчего так?

Хань Дуй из последних сил подавил желание закатить глаза к небу и терпеливо разжевал очевидное:

— Ваш брат не женится, потому что сам того не хочет. А мой брат не женится, потому что никто не соглашается. Понимаете разницу между активным нежеланием и горькой безысходностью?

Товарищ Цинь с самым серьёзным и научным видом кивнул:

— Теперь ясно. У нас просто разные экспериментальные группы.

Все трое дружно промолчали.

Пройдя ещё пару десятков шагов, они наконец остановились перед аккуратными деревянными воротами. Хань Дуй широко распахнул их и гостеприимно повёл рукой:

— Ну вот мы и на месте. Добро пожаловать в мою обитель, прошу в дом!

<http://bllate.org/book/19655/1996583>